

Мировая экономика

Научная статья

УДК 330.3 338.1 338.2

doi: 10.17223/19988648/69/15

Сравнительный анализ влияния фактора неопределенности на темпы роста экономик группы стран, доминирующих в мировом хозяйстве периода 2013–2023 гг.

Надежда Валерьевна Климовских¹, Наталья Вячеславовна Ружанская²,
Александра Александровна Чудаева³, Александр Юрьевич Усанов⁴

¹ Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина,
Краснодар, Россия, conscience1980@mail.ru

² Коми республиканская академия государственной службы и управления,
Сыктывкар, Россия, natasharug@mail.ru

³ Самарский государственный экономический университет,
Самара, Россия, chudaeva@inbox.ru

⁴ Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
Москва, Россия, alexus261279@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется необходимостью поиска эффективных моделей развития экономики в условиях неопределенности. Целью исследования является проведение сравнительного анализа развития экономик развитых и развивающихся стран в период неопределенности для выявления особенностей их реагирования и адаптации, а также определение мер, способствующих поддержанию их устойчивости к негативному воздействию возникающих вызовов. Задачи исследования связаны с проведением сравнительного анализа показателей социально-экономического развития развитых и развивающихся стран в период неопределенности; выявлением особенностей их реагирования и адаптации к вызовам и угрозам неопределенности; определением способов поддержания устойчивости хозяйственных систем в периоды неопределенности. Настоящее исследование выполнено с помощью методов экономико-статистического анализа, сравнительного анализа; графического метода; абстрактно-логического метода. В статье проведен сравнительный анализ социально-экономического развития стран G7 и стран БРИКС, что позволило выявить рост инфляции в ответ на вызовы неопределенности в экономиках всех исследуемых стран, в меньшей степени в Китае и Японии. Исследование динамики общей безработицы позволило сделать вывод об усугублении проблем структурного характера на рынках труда в странах G7 и в странах БРИКС, а также об эффективности политики стимулирования занятости в Китае, ориентированной на наращивание производства и предпринимательства. Темпы роста валового накопления основного капитала в странах БРИКС с 2021 г. остаются положительными, во многих странах тренд является растущим, в отличие от группы стран G7 с преимущественно замедляющейся динамикой. Последствия вызовов неопределенности как для экономик стран G7, так и для экономик стран БРИКС представляются в виде замед-

ления экономического развития. Однако США, Канада, Китай и Индия по показателям темпов роста ВВП демонстрируют большую гибкость и адаптивность своих экономических систем к происходящим изменениям. В статье предложены авторские рекомендации по реализации государственной политики, направленной на повышение уровня адаптивности экономик к условиям неопределенности. Сделан вывод, что в период неопределенности экономики развитых и развивающихся стран уязвимы к угрозам развития инфляционных процессов, дестабилизации рынков труда и снижения инвестиционной активности, что в долгосрочной перспективе становится фактором замедления экономического роста и снижения благополучия населения.

Ключевые слова: экономика, социально-экономическое развитие, неопределенность, риски, инфляционное давление, инвестиции, экономический рост

Для цитирования: Климовских Н.В., Ружанская Н.В., Чудаева А.А., Усанов А.Ю. Сравнительный анализ влияния фактора неопределенности на темпы роста экономик группы стран, доминирующих в мировом хозяйстве периода 2013–2023 гг. // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2025. № 69. С. 255–276. doi: 10.17223/19988648/69/15

World economy

Original article

Comparative analysis of the impact of the uncertainty factor on the growth rates of the economies of a group of countries dominating the global economy in the period 2013–2023

Nadezhda V. Klimovskikh¹, Natalya V. Ruzhanskaya²,
Aleksandra A. Chudaeva³, Aleksandr Yu. Usanov⁴

¹ Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russian Federation, conscience1980@mail.ru

² Komi Republican Academy of Public Administration and Management, Syktyvkar, Russian Federation, natasharug@mail.ru

³ Samara State University of Economics, Samara, Russian Federation, chudaeva@inbox.ru

⁴ Synergy University, Moscow, Russian Federation, alexus261279@mail.ru

Abstract. The relevance of the research is determined by the need to search for effective models of economic development in conditions of uncertainty. The study aims to conduct a comparative analysis of the development of the economies of developed and developing countries in a period of uncertainty in order to identify the characteristics of their response and adaptation, as well as to identify measures that help maintain their resilience to the negative impact of emerging challenges. The objectives of the study are to conduct a comparative analysis of indicators of socio-economic development of developed and developing countries in times of uncertainty; to identify the specifics of their response and adaptation to the challenges and threats of uncertainty; to identify ways to maintain the stability of economic systems in times of uncertainty. The present study was carried out using the methods of economic and statistical analysis, comparative analysis; graphical method; abstract-logical method. The article provides a comparative analysis of the socio-economic development of the G7 and BRICS countries,

which revealed an increase in inflation in response to the challenges of uncertainty in the economies of all the countries studied, to a lesser extent in China and Japan. A study of the dynamics of general unemployment showed the worsening of structural problems in the labor markets in the G7 and BRICS countries, as well as the effectiveness of employment promotion policies in China aimed at increasing production and entrepreneurship. The growth rate of gross fixed capital accumulation in the BRICS countries has remained positive since 2021, and the trend is growing in many countries, unlike in the G7 group of countries with a predominantly slowing trend. The consequences of the challenges of uncertainty for both the economies of the G7 countries and the economies of the BRICS countries are presented in the form of a slowdown in economic development. However, the USA, Canada, China and India demonstrate great flexibility and adaptability of their economies to the changes in terms of GDP growth rates. The article offers the author's recommendations on the implementation of public policy aimed at increasing the level of adaptability of economies to conditions of uncertainty. In a period of uncertainty, the economies of developed and developing countries are vulnerable to the threats of inflationary processes, destabilization of labor markets and a decrease in investment activity, which in the long term becomes a factor in slowing economic growth and reducing the well-being of the population.

Keywords: economy, socio-economic development, uncertainty, risks, inflationary pressure, investments, economic growth

For citation: Klimovskikh, N.V., Ruzhanskaya, N.V., Chudaeva, A.A. & Usanov, A.Yu. (2025) Comparative analysis of the impact of the uncertainty factor on the growth rates of the economies of a group of countries dominating the global economy in the period 2013–2023. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 69. pp. 255–276. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/69/15

Введение

Почему современный этап социально-экономического развития называют периодом неопределенности? [1]. Это связано в первую очередь с так называемым «наслоением» событий, трансформирующих привычные процессы жизнедеятельности общества и минимизирующих четко определенное представление о характере и перспективах развития как отдельной страны, так и глобальной экономики в целом [2, с. 5250].

Речь идет о появлении новых вирусов и заболеваний, угрожающих жизни и здоровью населения, и отсутствии действенных инструментов снижения эпидемиологических рисков, росте глобальной напряженности из-за столкновения экономических и политических интересов различных стран в борьбе за ресурсы и возможности влияния, повышении стоимости жизни вследствие развитие кризисных явлений в экономике, росте социальной неудовлетворенности в результате усиления поляризации общества, возникновении непредсказуемых последствий использования цифровых технологий, усугублении экологических проблем, вызывающих опасные планетарные изменения [3, с. 117; 4, с. 136; 5, с. 11; 6, с. 10–12; 7, с. 13].

Во всем множестве новых и непредсказуемых явлений индивид, предприятие и система государственного управления стремятся обрести спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. Всем субъектам экономики хочется

понимания того, как возникающие вызовы и угрозы могут отразиться на их собственном благополучии, что они могут изменить и какие меры необходимы для снижения негативных последствий возникающей неопределенности. С вызовами и угрозами неопределенности сталкиваются все страны мира, однако преодолевают их по-разному [6, с. 6; 9, с. 110; 10, с. 60; 11, с. 313].

Таким образом, целью настоящего исследования является проведение сравнительного анализа развития экономик развитых и развивающихся стран в период неопределенности для выявления особенностей их реагирования и адаптации, а также определение мер, способствующих поддержанию их устойчивости к негативному воздействию возникающих вызовов.

Задачи исследования связаны с проведением сравнительного анализа показателей социально-экономического развития развитых и развивающихся стран в период неопределенности; выявлением особенностей их реагирования и адаптации к вызовам и угрозам неопределенности; определением способов поддержания устойчивости хозяйственных систем в периоды неопределенности.

Методика

«Неопределенность» с позиций экономической теории связывается с неясностью развития событий и ожиданием неизвестности, опасностью снижения стоимости товаров и уничтожением возможности появления прибыли (Монкретьен), с нехваткой информации и отсутствием достоверности суждений (Ф. Кенэ), таким образом, выступая отражением состояния как хозяйственной системы в целом, так и субъекта по отношению к идеальным или ожидаемым условиям и опосредованно отождествляясь с риском (Т. Мальтус), становясь естественным ограничителем управляемости и стабильности (А. Смит).

Исследование влияния различных аспектов «неопределенности» на социально-экономическое развитие стран мира представлено в работах О.С. Сухарева [12], Р. Нельсона [13], М.В. Гречко и Л.А. Кобиной [14], Е.К. Карпуниной и др. [9]. Авторы делают объектом своего исследовательского внимания социально-экономические, политические и институциональные факторы, а также особенности их воздействия на процессы изменения экономик различных стран. Б.О. Хашир и др. [15], Н.В. Капустина и др. [16], Г.Ф. Галиева и др. [17], А.А. Воронов и др. [18] в своих работах подчеркивают, что в период неопределенности, вызванной изменением экономической конъюнктуры, эпидемиологической ситуации и политических отношений, открываются новые возможности опережающего развития и укрепления глобального лидерства развивающихся стран.

Вызовы и угрозы, оказывающие влияние на процесс развития хозяйственных систем, многообразны. Так, Б. Хашир и др. [15] выделяют угрозы экономической устойчивости, перспективного развития и социального благополучия. При этом авторы отмечают, что в период сокращения ВВП и де-

стабилизации рынка труда следует принимать меры стратегического характера, связанные с обеспечением инвестиций в динамике, которые формируют необходимый задел для посткризисного восстановления экономики. Г.Ф. Галиева и Э.М. Черненко [3] видят угрозу современным хозяйственным системам в виде инфляции и безработицы как следствие роста неопределенности в мировой экономике, рассматривая их проявление в странах Большой семерки. Е.Ю. Сидорова [19] выделяет угрозы и риски геополитической, финансовой, инфляционной природы. Своевременное выявление угроз дает возможность смягчить их негативные последствия для устойчивого развития хозяйственных систем [20–22].

Гипотезой исследования является предположение о том, что неопределенность современного этапа развития, связанная с одновременным воздействием дестабилизирующих факторов экономического, эпидемиологического, геополитического и экологического характера, повышает уязвимость национальных экономик, приводит к замедлению экономического роста и снижению благополучия населения в долгосрочной перспективе. При этом уровень социально-экономического развития государства и степень зрелости его экономики не являясь гарантией сохранения устойчивости в период неопределенности.

Для обоснования выдвинутой гипотезы авторами проведен сравнительный анализ развития экономик развитых стран G7 и развивающихся стран БРИКС за последние десять лет (2013–2023 гг.).

Методы исследования. Настоящее исследование выполнено с помощью следующих методов:

- методы экономико-статистического анализа, включая анализ рядов динамики, метод абсолютных и относительных показателей, позволившие выявить закономерности социально-экономического развития исследуемых стран в динамике;
- метод сравнительного анализа, с помощью которого были проанализированы показатели инфляционной нагрузки и валового накопления основного капитала в развитых и развивающихся странах, а также выявлены соответствующие угрозы;
- графический метод был применен для визуальной интерпретации полученных результатов;
- применение абстрактно-логического метода позволило сформировать рекомендации по снижению угроз социально-экономического развития исследуемых стран.

Информационной базой исследования являются данные Всемирного банка, Rateinflation, Statista, Statisticetimes, ОЭСР, ВШЭ.

Результаты и обсуждения

Реагирование экономик на вызовы неопределенности (колебания цен на нефть на мировом рынке, политическую напряженность, природные катаклизмы, обострение противоречий в системе экономических интересов и др.) традиционно начинается со скачка инфляции и роста безработицы [3, с. 119; 11, с. 312].

Накопительный эффект предыдущих кризисов, прежде всего мирового финансового кризиса, и нарастание геополитической напряженности создают предпосылки для роста инфляционного давления в экономиках стран мира. Динамика инфляции в странах G7 отражена на рис. 1.

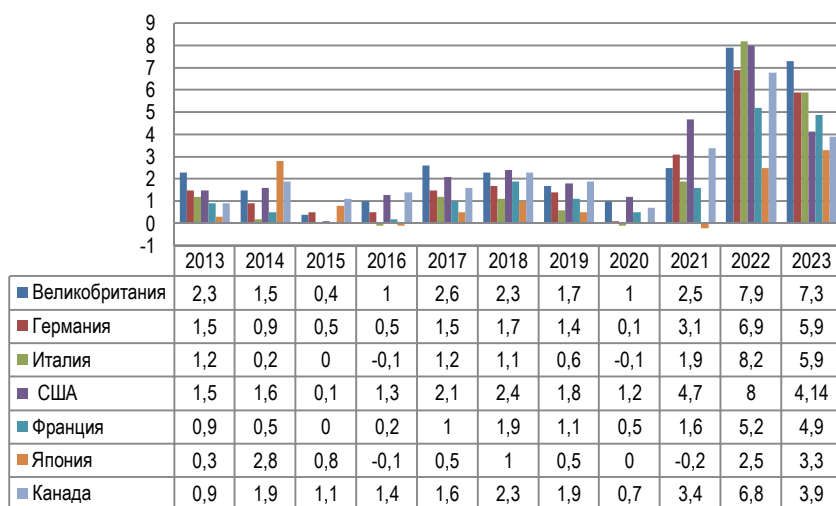

Рис. 1. Уровень инфляции в странах G7, индекс потребительских цен, %, 2013–2023 гг.
 Источник: составлено авторами по данным [23, 24]

Для развитых стран G7 характерен традиционно низкий уровень инфляции. Можно заметить, что в определенные периоды стабильного социально-экономического развития индекс потребительских цен в Италии, Японии и Франции опускался ниже нулевой отметки. В период пандемии странами G7 были скорректированы меры монетарной политики во избежание влияния ценового давления на инфляционные ожидания. Однако, как видно из рис. 1, в 2022 и 2023 гг., т.е. в период постковидного восстановления и одновременного обострения геополитических конфликтов, практически во всех странах G7 произошел стремительный рост инфляции. Это связано прежде всего с неконтролируемым ростом цен на энергоресурсы, нехваткой сырья, нарушением цепочек поставок, рецессией основных торговых партнеров, санкциями [25]. В 2023 г. цены на газ и электроэнергию начали стабилизироваться, что нашло отражение в отрицательных показателях инфляции на газ и электроэнергию в Италии, Великобритании и Японии [26]. Несмотря на снижение показателей инфляции в 2023 г. (за исключением Японии), ситуация остается неустойчивой, а денежно-кредитная политика стран G7 должна носить ограничительный характер до достижения устойчивого снижения инфляционного давления.

Данные о динамике инфляции в странах БРИКС в 2013–2023 гг. представлены на рис. 2.

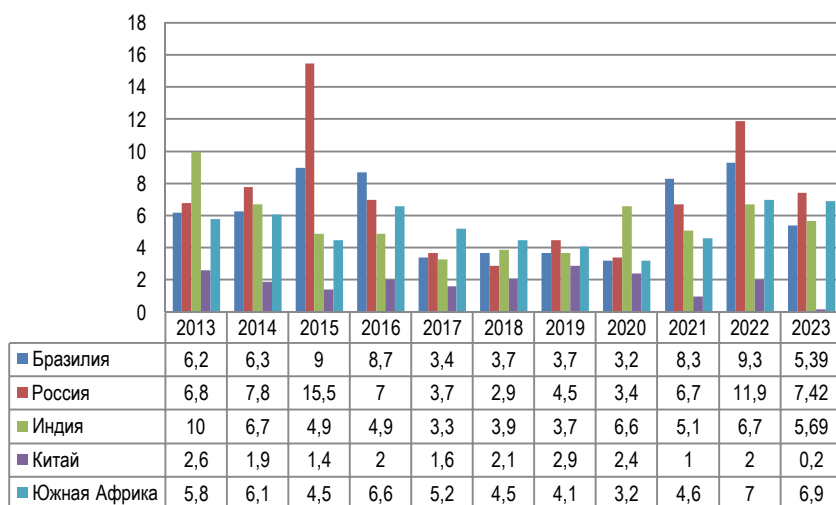

Рис. 2. Уровень инфляции в странах БРИКС, индекс потребительских цен, %, 2013–2023 гг. *Источник:* составлено авторами по данным [23, 24]

Можно увидеть «экономическое чудо Китая» в форме постоянного чрезвычайно низкого уровня инфляции, даже в периоды сильных потрясений, к которым относится пандемия. В 2020 г. уровень инфляции в Китае составил 2,4%, в 2021 г. – 1%, в 2022 г. поднялся до 2%, а к 2023 г. снизился до 0,2%. Наиболее яркое реагирование экономик на кризисные явления и вызванные ими изменения характерно для России и Бразилии. Например, в период первого санкционного кризиса 2014–2015 гг. уровень инфляции в России взлетел до 15,5%, далее наблюдалась некоторая стабилизация. 2020 г. прошел в условиях непрерывного контроля уровня инфляции со стороны государства, поэтому благодаря реализуемым мерам инфляция удерживалась на уровне 3,4%. Однако после окончания реализации антиковидных мер, к 2021 г., она выросла до 6,7%, а в дальнейшем в связи с обострением военно-политического конфликта в 2022 г. уровень инфляции поднялся до рекордных 11,9%. В Бразилии также кризисные явления сопровождались скачком инфляции, прежде всего в 2015 и 2021–2022 гг. Если Индия отреагировала на пандемию ростом инфляции в 2020 г. (6,6%), то в Южной Африке этот процесс растянулся во времени и проявился начиная с 2021 г.

Специфика современного этапа социально-экономического развития такова, что рост инфляционного давления в ответ на вызовы неопределенности имеет место в экономиках всех исследуемых стран, в меньшей степени он проявляется в азиатских странах – Китае и Японии.

Вызовы неопределенности создают напряженность на рынке труда, отражением которой являет рост безработицы [27]. Это, в свою очередь, становится предпосылкой снижения уровня и качества жизни населения.

Динамика уровня безработицы в странах G7 в 2013–2023 гг. представлена на рис. 3.

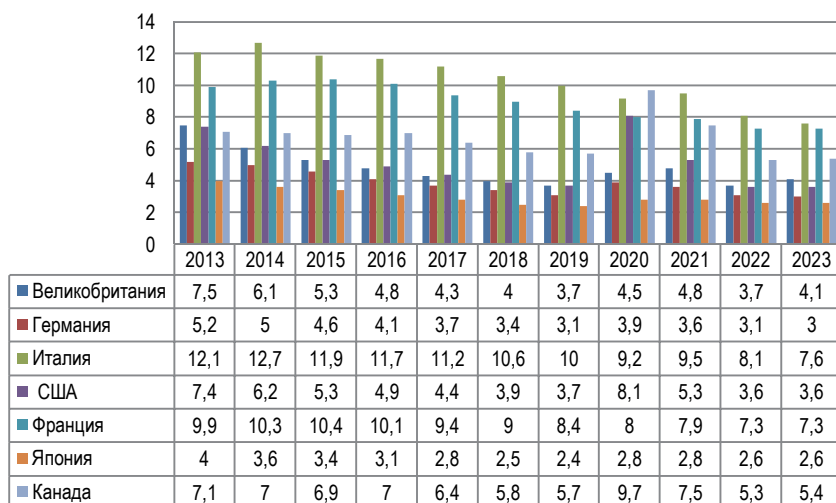

Рис. 3. Уровень безработицы в странах G7, % от общей численности рабочей силы, 2013–2023 гг. *Источник:* составлено авторами по данным [28]

Из общей картины безработицы в странах G7 выделяется Италия с традиционно высоким уровнем безработицы (в среднем за весь исследуемый период 10,4%, максимум пришелся на 2014 г.), а также Франция (среднее значение за период – 8,9%). Представленные данные позволяют судить о периодах нестабильности в развитии мировой экономики: период мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. и последующей посткризисной динамики сопровождался высокими показателями безработицы в большинстве развитых стран; рост уровня безработицы в Италии и Франции в ответ на валютный кризис 2014 г.; скачок безработицы в пандемийном 2020 г. особенно в США (8,1%) и Канаде (9,7%). В целом к окончанию исследуемого периода рост безработицы в странах G7 стал менее выраженным, средний показатель уровня безработицы по странам G7 в 2023 г. составил 4,8%. Стоит отметить, что для исследуемых стран характерны разные модели рынка труда и, соответственно, подходы к регулированию уровня безработицы. Например, американская модель, отличающаяся большей динамичностью, нацеленностью на создание рабочих мест и ускорение экономической активности в целях снижения уровня безработицы и одновременно низкого уровня защищенности наемных работников, реализуется в США и Канаде [29, с. 30]. Напротив, в Великобритании, Франции, Италии реализуется европейская модель рынка труда, ставящая по главу угла сохранение рабочих мест, интересы наемных работников, в том числе в части повышения минимальной заработной платы и недопущения чрезмерной дифференциации в

оплате труда. Данная модель является наиболее гибкой и позволяет в короткие сроки осуществлять реструктуризацию производства, перераспределение трудовых ресурсов в более высокопроизводительные сектора и поддерживать оптимальную численность работников без увеличения затрат. Для Японии характерна иная модель рынка труда, отличающаяся низким уровнем общей безработицы на фоне нарастания структурной безработицы. Такая ситуация отражает значительные несоответствия между спросом на рабочую силу и её предложением в различных секторах экономики, низкую мобильность рабочей силы, а также диспропорциями между уровнем оплаты труда и ее производительностью [30, с. 49].

Динамика общей безработицы в странах БРИКС представлена на рис. 4.

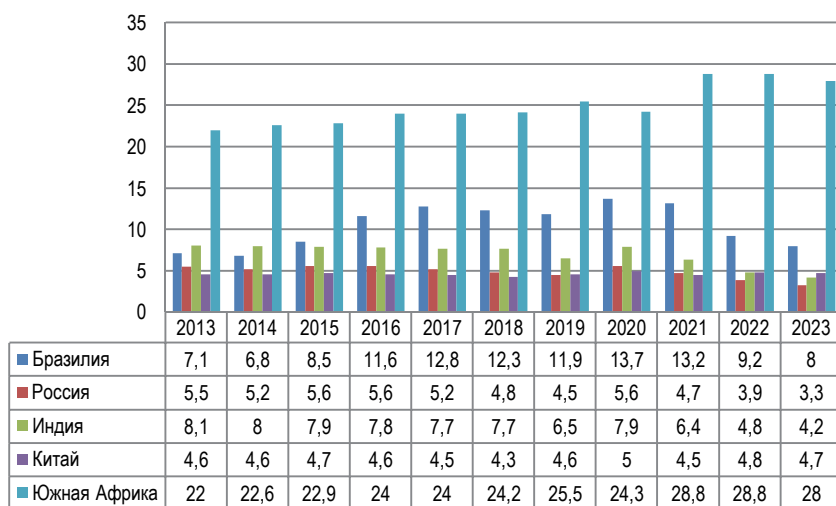

Рис. 4. Уровень безработицы в странах БРИКС, % от общей численности рабочей силы, 2013–2023 гг. *Источник:* составлено авторами по данным [31]

Можно выделить две страны со стабильно невысоким уровнем безработицы в течение всего исследуемого периода – Китай и Россию. В первом случае речь идет о реализации эффективной политики занятости через развитие отраслей и предпринимательства как стратегического вектора развития государства [32, с. 148]. Правительство реализует меры по стимулированию НИОКР со стороны государства и негосударственных организаций, оптимизации системы кредитования с целью поддержки перспективных проектов малых и средних предприятий, способных создать большое количество новых рабочих мест и увеличить занятость [33, с. 8].

Ситуация в России, отражающая стабильно низкий уровень безработицы даже в периоды крупных потрясений мировой экономики, отнюдь не свидетельствует о стабилизации обстановки на рынке труда. Низкий уровень без-

работицы в России является свидетельством дефицита рабочей силы, который образовался до 2022 г. и увеличился в соответствии с ростом потребности в наращивании импортозамещающей и оборонной продукции в условиях введения экономических санкций со стороны западных стран и стагнации показателя производительности труда [34].

В Бразилии максимальный уровень безработицы характерен для 2020 г. (13,7%), к 2023 г. его удалось стабилизировать до 8%, однако еще в период до пандемии темпы роста экономики Бразилии стали замедляться на фоне роста показателей безработицы.

Для Индии характерна затухающая динамика роста безработицы с максимумом в 2013 г. Однако данные цифры отражают открытую безработицу, которая в 2023 г. составляла 4,2%. На самом деле в Индии высока доля неформального сектора (около 82% рабочей силы), а также распространена случайная (нерегулярная) занятость, а доля самозанятых составляет 55,8% всех работающих [35]. Другими словами, Индия реализует модель «роста без занятости», при которой интенсивный прирост ВВП (достигаемый за счет развития менее трудоемкого сектора услуг) не сопровождается увеличением занятости. В Южной Африке уровень безработицы остается чрезвычайно высоким в течение всего десятилетнего периода.

Таким образом, исследование динамики общей безработицы в странах БРИКС, во-первых, подталкивает к выводу о выравнивании динамики развития рынков труда в развитых и развивающихся странах; во-вторых, изучение причин выявленных закономерностей позволяет заключить, что во всех исследуемых странах существуют проблемы структурного характера в части поддержания занятости; в-третьих, наиболее эффективная политика стимулирования занятости реализуется в Китае (имплементирована в стратегию наращивания производства и предпринимательства).

Реализация мер по стабилизации рынка труда чрезвычайно важна, поскольку от этого зависит возможность повышения качества жизни населения, которое снизилось в период пандемии во всех странах G7 и в странах БРИКС. Исключением является Китай, продемонстрировавший рост индекса качества жизни населения в период с 2013–2022 гг. в 3,3 раза, увеличение продолжительности жизни населения, несмотря на пандемию [36, p. 1193].

Важную роль в посткризисном восстановлении экономик и прохождения последующих изменений играют инвестиции, реализация которых представляет собой адекватное требование эффективного и качественного экономического роста.

В условиях ограниченности финансовых ресурсов многие страны реализуют свою политику в соответствии с принципами выживаемости в текущем периоде, не задумываясь об ее отложенном эффекте в долгосрочном периоде. Другими словами, реальной угрозой для перспективного развития экономик в период неопределенности является сокращение инвестиционной активности.

Данные Всемирного банка о ежегодном росте валового накопления основного капитала (инвестициях, годовой прирост в %) в странах G7 представлены на рис. 5.

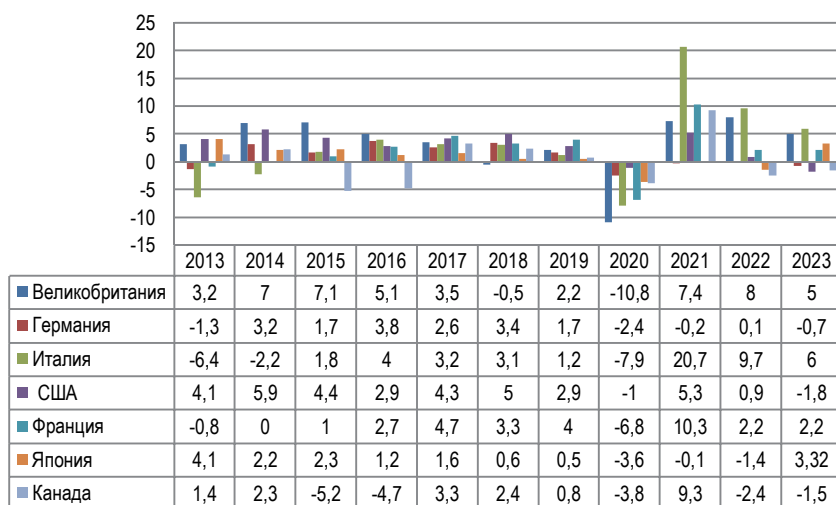

Рис. 5. Валовое накопление основного капитала в странах G7, ежегодный рост, %, 2013–2023 гг. *Источник:* составлено авторами по данным [37]

Рост валового накопления основного капитала в развитых странах G7 в период 2013–2019 гг. не отличался постоянством. Только в США и Японии он оставался положительным в течение всего периода, в США не опускался ниже 2,9% (в 2019 г.). После мирового финансового кризиса в развитых странах реализовывалась ультралиберальная денежно-кредитная политика, которая не была связана с ростом инвестиций. 2020 г. стал переломным для хозяйственных систем всех стран G7.

Высокий уровень экономической неопределенности, финансирование первоочередных социально ориентированных проектов, рост стоимости заемных средств и т.д. стали причинами резкого сокращения инвестиционной активности. Например, в США произошло значительное сокращение инвестиций в жилищное строительство. Понимание стратегической значимости инвестиционных вложений заметно по росту валового накопления основного капитала в 2021 г. в некоторых странах, например в Великобритании, Италии, Франции и Канаде, которые пытались компенсировать провал 2020 г. рывком в инвестировании на этапе постковидного восстановления.

Инвестиционные перспективы развивающихся стран БРИКС также сдерживаются неблагоприятными факторами, однако их динамика несколько иная (рис. 6).

Данные, представленные на рис. 6, позволяют выделить две страны, отличающиеся стабильно высоким ростом валового накопления основного капитала – Китай и Индия.

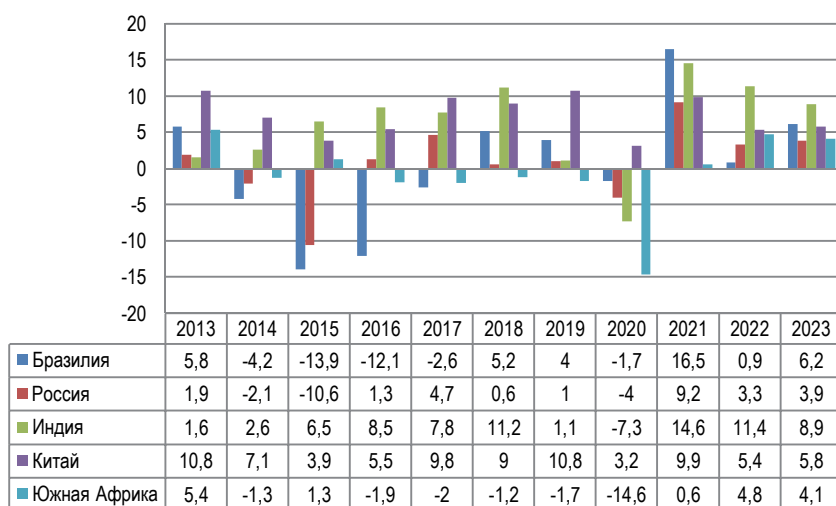

Рис. 6. Валовое накопление основного капитала в странах БРИКС, ежегодный рост, %, 2013–2023 гг. *Источник:* составлено авторами по данным [37]

Динамика показателя в Китае на протяжении всего исследуемого периода остается позитивной, включая период пандемического кризиса, а средний темп роста составляет 7,4% в год. Это свидетельствует о реализации в стране государственной политики, направленной на достижение мультипликационного эффекта инвестиций для обеспечения роста национального дохода. И даже несмотря на неустойчивость сектора недвижимости, государственные инвестиции в инфраструктуру частично восполняют недостаток частных инвестиций.

Индия отличается самыми высокими темпами роста валового накопления основного капитала среди стран БРИКС (за исключением 2020 г.), стимулирование инвестиций происходит благодаря реализуемым в стране государственным инфраструктурным проектам, а также созданным благоприятным условиям для привлечения транснациональных инвестиций.

В Бразилии, России и ЮАР динамика валового накопления основного капитала нестабильна, в периоды кризисов еще более сокращается, однако заметны попытки в наращивании инвестирования для обеспечения посткризисного восстановления, в частности, в Бразилии в 2021 г. темп роста валового накопления основного капитала составил 16,5%, в России – 9,2%, в Южной Африке значение показателя стало расти к 2022 г.

В целом в странах БРИКС начиная с 2021 г. темпы роста валового накопления основного капитала остаются положительными, во многих странах тренд является растущим, тогда как в группе стран G7 он все более демонстрирует характер замедления.

Регулярные вызовы неопределенности подрывают стабильное развитие экономик и вызывают замедление экономической динамики. В целом среднее значение темпов роста мировой экономики в 2013–2019 гг. составляло

3%, пандемия 2020 г. привела к снижению показателя до –3,1%. В дальнейшем динамика темпов роста мировой экономики стала затухать: с 6% в 2021 г. до 2,9% в 2023 г. [38]. Вероятно, так проявляется накопительный эффект последствий регулярно повторяющихся вызовов неопределенности, включая финансовые и экономические кризисы, пандемию, нарастание геополитической напряженности [9, р. 110; 39, р. 60; 40, р. 445]. Если сравнить динамику темпов роста ВВП в странах G7 и БРИКС, то результаты сравнения будут следующими: среди стран G7 несколько стран в течение определенного периода уже демонстрируют слабую позитивную либо негативную динамику (прежде всего Италия и Франция) [38, 41]. Это касается как преодоления последствий мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., так и сильного сокращения периода пандемии и последующего давления неблагоприятных мировых событий (например, в Германии). США из стран G7 в наибольшей степени демонстрируют устойчивость к изменениям экономической конъюнктуры.

Среди стран БРИКС максимальную гибкость и устойчивость к вызовам неопределенности показывает Китай (темпы роста ВВП которого на протяжении последнего десятилетнего периода остаются устойчиво высокими, в среднем на уровне 6% в год) [38]. Также хорошую динамику показывает Индия (средний темп роста ВВП 7% в год), однако, в отличие от Китая, реакцией Индии на пандемию стало сокращение темпов ВВП до минусовой отметки (–5,8% в 2020 г.). Бразилия, Россия и ЮАР четко реагируют на внешнюю неопределенность изменением темпов роста ВВП (в периоды экономических, эпидемиологических и политических кризисов).

Последствия вызовов неопределенности как для экономик стран G7, так и для экономик стран БРИКС представляются в виде замедления экономического развития [41]. Однако и среди развитых стран, и среди развивающихся экономик есть исключения – в первом случае США и Канада, во втором – Китай и Индия. Что касается показателей темпов роста ВВП, данные страны демонстрируют большую гибкость и адаптивность экономических систем к происходящим изменениям.

Таким образом, предположение о том, что в период неопределенности современного этапа развития хозяйственные системы всех стран (вне зависимости от степени зрелости их экономик) становятся более уязвимыми к развитию инфляционных процессов, дестабилизации рынков труда и снижению инвестиционной активности, подтверждается.

Вместе с тем следует учитывать и изменения в характере международной экономической конкуренции и уровнях глобальной конкурентоспособности стран G7 и БРИКС. Так, к настоящему времени позиции исследуемых стран в сфере экспорта практически сравнялись, тогда как еще в начале 1990-х гг. доля стран G7 в мировом экспорте превосходила аналогичный показатель БРИКС в 7,5 раза. В странах БРИКС отмечается рост совокупного профицита торгового баланса на фоне усиления дефицита у группы стран G7, а также рост объема международных резервов, который к 2023 г. превзошел показатель стран G7 [43]. Определенные конкурентные преимущества

страны БРИКС имеют и в части обеспеченности трудовыми ресурсами, вытекающими из тройного превышения численности их населения. И если суммарная капитализация фондовых рынков стран G7 превышает на сегодняшний день аналогичный показатель стран БРИКС в два раза, то по объему физического капитала страны БРИКС уже достигли преимущества над странами G7 [44]. Вместе с тем научно-техническое развитие стран G7 превосходит страны БРИКС, несмотря на реализацию опережающих мер, прежде всего Китаем и Индией [42].

В процессе проведенного сравнительного анализа были выявлены эффективные практики государственного регулирования инфляционных процессов, рынка труда и занятости, стимулирования инновационно-инвестиционной активности, реализуемые странами, демонстрирующими хорошую адаптивность к изменениям.

В связи с этим рекомендации авторов для стран, остро реагирующих на вызовы неопределенности, будут включать направления, представленные на рис. 7.

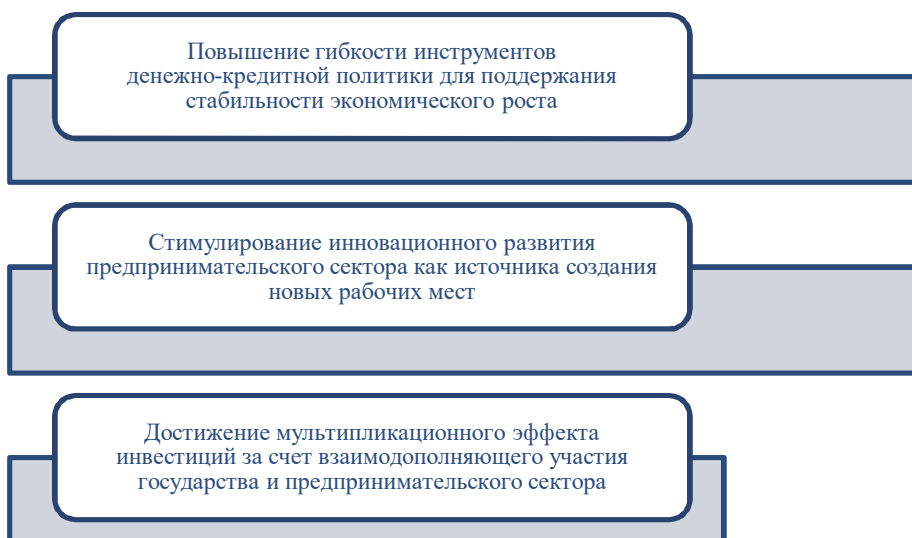

Рис. 7. Стратегические направления государственной политики для повышения адаптивности экономик к вызовам неопределенности. *Источник:* составлено авторами

Кроме вышеперечисленных направлений государственной политики, в основе которых лежит позитивный опыт стран, наиболее адаптивных к вызовам неопределенности, на современном этапе все большую актуальность приобретают внутриинтеграционные взаимодействия. В частности, интеграционное объединение БРИКС в настоящее время рассматривается как главная конкурирующая сила стран G7, обогнавшая за последние годы альянс наиболее развитых стран в части их вклада в мировой ВВП [42]. Это

влечет за собой увеличение возможностей глобального влияния и достижения мирового лидерства. Поэтому объединение усилий стран внутри содружества может создать предпосылки для его укрепления и расширения возможностей. Поиск и установление новых взаимовыгодных партнерств, расширение производственных цепочек и торговых систем могут быть факторами снижения влияния геополитической напряженности на долгосрочное экономическое развитие. Создание единой образовательной и научной платформы стран БРИКС на основе задействования преимуществ российской системы образования и науки, прогрессивных подходов для стимулирования повышения уровня образованности населения, поддержания преемственности в развитии научных кадров и формирования источников инновационного роста, используемых Китаем, может стать реальной движущей силой для стран объединения, отстающих по уровню развития человеческого потенциала. Китай и Индия являются мировыми лидерами в области цифровых технологий, их опыт реализации политики в части стимулирования развития цифровой инфраструктуры, внедрения продвинутых технологий в различные сферы жизнедеятельности человека будет полезен другим членам интеграционного объединения БРИКС. Кроме того, сегодня как никогда важна поддержка целей устойчивого развития, которые в период кризисов утрачивают свою приоритетность, создание гибкой системы социального обеспечения, привлечение бизнес-структур к реализации социально значимых проектов, в том числе в части поддержания экологического благополучия.

В условиях перераспределения центров глобального влияния не следует забывать о том, что конкуренция за лидерство также является угрозой для устойчивого развития мировой экономики. В данном аспекте следует придерживаться принципов многополярного мира при разрешении наиболее значимых проблем (таких как неравенство, напряжение политических отношений, международный терроризм, деградация экосистемы, киберуязвимость), обеспечивая их реализацию мирным путем, минимизируя использование механизмов экономических санкций и заключения сделок международного масштаба, выгодных в одностороннем порядке. Несмотря на то, что на практике фактически отсутствуют примеры сбалансированного совмещения в едином правовом пространстве регулятивных конструкций, представляющих действенный ответ на данную проблему, реализация планов развития конкуренции на уровне национальных государств со временем может доказать свою эффективность. Кроме того, важную роль в разрешении данной международной проблемы играют ООН, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и другие международные организации, способные обеспечить реализацию справедливых, добросовестных норм, носящих проконкурентный характер.

Выводы

В статье выдвинуто предположение о том, что в период неопределенности современного этапа развития повышается уязвимость экономик развивающихся стран и экономик развитых стран к возникающим вызовам и

угрозам. При этом степень зрелости хозяйственной системы не является гарантией ее устойчивости к развитию инфляционных процессов, дестабилизации рынков труда и снижению инвестиционной активности, приводящим в долгосрочной перспективе к замедлению экономического роста и снижению благополучия населения.

Авторы провели сравнительный анализ социально-экономического развития стран G7 и стран БРИКС, что позволило обосновать выдвинутую гипотезу с помощью полученных выводов.

Во-первых, специфика современного этапа социально-экономического развития такова, что рост инфляционного давления в ответ на вызовы неопределенности имеет место в экономиках всех исследуемых стран, в меньшей степени он проявляется в азиатских странах – Китае и Японии.

Во-вторых, исследование динамики общей безработицы в странах БРИКС, с одной стороны, подталкивает к выводу о выравнивании развития рынков труда в развитых и развивающихся странах, а с другой – изучение причин выявленных закономерностей позволяет заключить, что во всех исследуемых странах имеются существенные проблемы структурного характера в части поддержания занятости, а наиболее эффективная политика стимулирования занятости реализуется в Китае (имплементирована в стратегию наращивания производства и предпринимательства).

В-третьих, в большинстве стран БРИКС начиная с 2021 г. темпы роста валового накопления основного капитала остаются положительными, во многих странах тренд является растущим, в группе стран G7 он преимущественно характеризуется замедляющейся динамикой.

В-четвертых, последствия вызовов неопределенности как для экономик стран G7, так и для экономик стран БРИКС представляются в виде замедления экономического развития. Однако как среди развитых стран, так и среди развивающихся экономик есть исключения. По показателям темпов роста ВВП США и Канада, Китай и Индия демонстрирует большую гибкость и адаптивность своих экономических систем к происходящим изменениям.

В статье также предложены авторские рекомендации по реализации направлений государственной политики для стран, остро реагирующих на вызовы неопределенности.

Список источников

1. ООН. Доклад о человеческом развитии 2021–2022. Времена неопределенности, неустойчивые жизни. Наше будущее в меняющемся мире. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22ru.pdf>
2. Korolyuk E., Rustamova I., Kuzmenko N., Khashir B., Karpunina E. Diagnostics of regional economic security problems during the 2020 crisis. Proceedings of the 37th IBIMA conference. 30–31 May 2021. Cordoba. P. 5248–5257.
3. Галиева Г.Ф., Черненко Э.М. Влияние инфляции и безработицы на долгосрочный экономический рост стран Большой Семерки // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2022. № 2 (58). С. 113–122.
4. Karpunina E.K., Galieva G.F., Andriashka M.V., Vorobyeva A.V., Bakulin O.V. Country risk assessment as a tool for improving the quality of state economic security management (on the example of Germany) // Quality – Access to Success. 2021. Vol. 22, № 183. P. 136–142.

5. Карпунина Е.К., Усанов А.Ю., Труфанова С.А., Губернаторова Н.Н. Внешнеэкономическая деятельность как детерминант экономической безопасности России: оценка угроз и перспектив развития в условиях санкционных ограничений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 5. С. 10–26.

6. Афоничкин А.И. (ред.) Моделирование и анализ рисков развития экономических систем: монография. Самара : Изд-во СамНЦ РАН, 2017. 236 с.

7. Королев И.С. Америкаоцентризм и многополярность в глобальной экономике (торгово-политический и финансовый аспекты). Анализ и прогноз // Журнал ИМЭМО РАН. 2020. № 1. С. 12–22.

8. Карпунина Е.К. (ред.) Современные подходы к обеспечению экономической безопасности государства и регионов в эру неопределенности. М. : Русайнс, 2022. 304 с.

9. Karpunina E.K., Moskovtceva L.V., Zabelina O.V., Zubareva N.N., Tsykora A.V. Socio-economic impact of the covid-19 pandemic on OECD countries // Research in Economic Anthropology. Emerald publishing. 2022. Vol. 42. P. 103–114.

10. Усанов А.Ю., Мазунина М.В., Абалакин А.А., Груднева А.А. Исследование воздействия пандемии на хозяйственные системы сквозь призму экономической безопасности // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 1. С. 52–63.

11. Алехина О.Ф., Плясова С.В., Языкова С.В., Федотова Е.В. Сравнительный анализ преодоления кризисов 2008 и 2020 гг. развитыми и развивающимися странами // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2023. Т. 8, № 3 (29). С. 312–322.

12. Сухарев О.С. Эволюция экономических систем: структурные изменения, проблемы технологического развития и эффективности. Новочеркасск : НОК, 2012. 120 с.

13. Nelson R. Economic Development from the Perspective of Evolutionary Economic Theory // Oxford Development Studies. 2008. Vol. 36 (1). P. 9–21.

14. Гречко М.В., Кобина Л.А. Эволюция экономических систем: диалектика регресса // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2021. № 7. С. 1296–1325.

15. Хашир Б.О. и др. Региональные хозяйственные системы и риски современности. М. : Русайнс, 2023. 256 с.

16. Kapustina N.V., Kuznetsov Y.V., Pilipchuk N.V., Materova E.S., Lisova E.V. The Impact of the COVID-19 Pandemic on the Economic Security of Russian Regions: Assessment of Resistance to the Spillover Effects of Epidemic Risks. Environmental Footprints and Eco-Design of Products and Processes. Cham: Springer, 2023 P. 451–460.

17. Galieva G.F., Shugaeva O.V., Shvetsova I.N., Yakovlev A.V., Olenina O.A. A Mechanism for Overcoming the Negative Consequences of COVID Lockdowns in Russian Organizations. Approaches to Global Sustainability, Markets, and Governance. Cham: Springer, 2023. Part F175. P. 55–67.

18. Voronov A.A., Sobolevskaya T.G., Smirnova E.V., Shugaeva O.V., Ponomarev S.V. Managerial Problems of Enterprise Development during the Pandemic COVID-19. Lecture Notes in Networks and Systems. Cham: Springer, 2022. Part 372. P. 841–851.

19. Сидорова Е.Ю. Методика оценки и минимизации интеграционных рисков на различных этапах реализации международной экономической интеграции // Экономика. Налоги. Право. 2020. № 13(4). С. 70–78.

20. Гринберг Р. С. Экономика мира и России: тренды, шансы, риски // Экономическое возрождение России. 2017. № 1 (51). С. 17–51.

21. Мадера А.Г. Риски и шансы. Неопределенность, прогнозирование и оценка. М. : Красанд, 2014. 448 с.

22. Коновалова М.Е., Усанов А.Ю., Труфанова С.А., Родин А.Ю. Структурный анализ причин и последствий глобальных кризисов (на примере стран G7) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 4. С. 10–24.

23. Worldbank. Inflation, consumer prices (annual %). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/FP.CPI.TOTL.ZG>
24. Rateinflation. Inflation Rates and CPI. URL: <https://www.rateinflation.com/>
25. РИА. Инфляция в странах G7 достигла уровней, которых не было десятилетия. URL: <https://ria.ru/20220520/inflyatsiya-1789751613.html>
26. Statista. The inflation rate in the G7 countries in 2023 by product group. URL: <https://www.statista.com/statistics/1332916/inflation-g7-commodity-group/>
27. OECD. Registered Unemployed and Job Vacancies. URL: https://stats.oecd.org/Ind-dex.aspx?DataSetCode=LAB_REG_VAC
28. Worldbank. Unemployment, total (% of total labor force) (modeled ILO estimate) – United Kingdom, Germany, Italy, United States, France, Japan, Canada. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS?end=2023&locations=GB-DE-IT-US-FR-JP-CA&start=2013&view=chart>
29. Утинова С.С. Современные модели регулирования рынка труда: зарубежный и российский опыт // Финансовые рынки и банки. 2021. № 6. С. 26–33.
30. Лебедева И.П. Структурные проблемы японского рынка труда // Японские исследования. 2020. № 1. С. 48–68.
31. Worldbank. Unemployment, total (% of total labor force) (modeled ILO estimate) – Brazil, Russian Federation, India, China, South Africa. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS?end=2023&locations=BR-RU-IN-CN-ZA&start=2013&view=chart>
32. Фэн Ш. Особенности и тенденции политики занятости населения Китая // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 5. С. 146–149.
33. Янг Й., Ванг Й., Хоу С. Исследование по укреплению системы приоритетной политики занятости в период 14-го пятилетнего плана // Макроэкономическое управление. 2021. Т. 2. С. 8–15.
34. Изряднова О.И. Динамика рынка труда. URL: <https://www.iep.ru/files/text/trends/2023/4.pdf>
35. РБК. Сможет ли новое правительство Индии справиться с безработицей. URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/667c0d949a79470a9c25330a>
36. Liu et al. The impact of the major causes of death on life expectancy in China: a 60-year longitudinal study // BMC Public Health. 2014. Vol. 14.
37. Worldbank. Gross fixed capital formation (annual % growth). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.GDIFTOT.KD.ZG?end=2022&start=2013>
38. Statisticstimes. GDP Indicator (country). URL: <https://statisticstimes.com/economy/world-statistics.php>
39. Galieva G.F., Shugaeva O.V., Shvetsova I.N., Yakovlev A.V., Olenina O.A. A Mechanism for Overcoming the Negative Consequences of COVID Lockdowns in Russian Organizations. Approaches to Global Sustainability, Markets, and Governance. Cham: Springer, 2023. P. 55–67.
40. Isaeva E.A., Materova E.S., Galieva G.F., Gatina E.A., Sobolevskaya T.G. Pandemic and Sanctions: A Study of Economic Shocks in the Russian Economy. Advances in Science, Technology and Innovation. Cham: Springer, 2024. P. 445–451.
41. ВШЭ. Темпы роста мировой экономики могут оказаться одними из самых низких за последнюю четверть века. URL: <https://www.hse.ru/news/priority/862424657.html>
42. Karpunina E.K., Yakovleva E.A., Shurupova O.S., Oganessian T.L., Gorbunova O.N. Enhancing BRICS scientific and educational potential as a prerequisite for knowledge-based development and digital leadership // Int. J. Knowledge Based Development. 2024. Vol. 4, № 3. P. 290–313.
43. Додонов В. Изменение позиций G7 и БРИКС в ключевых мирохозяйственных процессах как отражение мегатенденции смены глобального экономического лидерства // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество : материалы Шестой международной научно-практической конференции «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества». Ч. 1: ежегодник. Вып. 7, ч. 1. М. : Университет мировых цивилизаций, 2024.

44. Кувалин Д.Б. Куда БРИКС и G7 ведут глобальную экономику. URL: <https://ecfor.ru/publication/ekonomicheskij-potentsial-briks-v-sravnanii-s-g7/>

References

1. United Nations Development Programme. (2022) *Doklad o chelovecheskom razvitii 2021–2022. Vremena neopredelennosti, neustroennye zhizni. Nashe budushchee v menyayushchemsya mire* [Human Development Report 2021–2022. Uncertain Times, Unsettled Lives. Our Future in a Changing World]. [Online] Available from: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22ru.pdf>
2. Korolyuk, E. et al. (2021) [Diagnostics of regional economic security problems during the 2020 crisis]. *Proceedings of the 37th IBIMA conference*. Cordoba, Spain. 30–31 May 2021. Cordoba, Spain: Springer. pp. 5248–5257.
3. Galieva, G.F. & Chernenko, E.M. (2022) Vliyanie inflyatsii i bezrabotitsy na dolgosrochnyy ekonomicheskij rost stran Bol'shoy Semerki [The impact of inflation and unemployment on long-term economic growth in the G7 countries]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie*. 2 (58). pp. 113–122.
4. Karpunina, E.K. et al. (2021) Country risk assessment as a tool for improving the quality of state economic security management (on the example of Germany). *Quality – Access to Success*. 183 (22). pp. 136–142.
5. Karpunina, E.K. et al. (2022) Vneshneekonomicheskaya deyatel'nost' kak determinant ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii: otsenka ugroz i perspektiv razvitiya v usloviyakh sanktsionnykh ogranicheniy [Foreign economic activity as a determinant of Russia's economic security: assessment of threats and development prospects in the context of sanctions restrictions]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*. 5 (12). pp. 10–26.
6. Afonichkin, A.I. (ed.) (2017) *Modelirovanie i analiz riskov razvitiya ekonomicheskikh sistem* [Modeling and Risk Analysis of Economic Systems Development]. Samara: Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.
7. Korolev, I.S. (2020) Amerikanotsentrizm i mnogopolynarnost' v global'noy ekonomike (torgovo-politicheskii i finansovyy aspekty). Analiz i prognoz [American-centrism and multipolarity in the global economy (trade, political and financial aspects). Analysis and forecast]. *Zhurnal IMEMO RAN*. 1. pp. 12–22.
8. Karpunina, E.K. (ed.) (2022) *Sovremennye podkhody k obespecheniyu ekonomicheskoy bezopasnosti gosudarstva i regionov v eru neopredelennosti* [Modern Approaches to Ensuring Economic Security of the State and Regions in the Era of Uncertainty]. Moscow: Rusayns.
9. Karpunina, E.K. et al. (2022) Socio-economic impact of the covid-19 pandemic on OECD countries. Research in Economic Anthropology. In: Popkova, E.G. & Andronova, I.V. (eds) *Current Problems of the World Economy and International Trade*. Vol. 42. Bingley: Emerald publishing. pp. 103–114.
10. Usanov, A.Yu. et al. (2023) Issledovanie vozdeystviya pandemii na khozyaystvennye sistemy skvoz' prizmu ekonomicheskoy bezopasnosti [Study of the impact of the pandemic on economic systems through the prism of economic security]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1 (11). pp. 52–63.
11. Alekhina, O.F. et al. (2023) Sravnitel'nyy analiz preodoleniya krizisov 2008 i 2020 gg. razvitymi i razvivayushchimisya stranami [Comparative analysis of overcoming the 2008 and 2020 crises by developed and developing countries]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*. 3 (29). pp. 312–322.
12. Sukharev, O.S. (2012) *Evolutsiya ekonomicheskikh sistem: strukturnye izmeneniya, problemy tekhnologicheskogo razvitiya i effektivnosti* [Evolution of Economic Systems: Structural changes, problems of technological development and efficiency]. Novocherkassk: Nauka. Obrazovanie. Kul'tura (NOK).

13. Nelson, R. (2008) Economic development from the perspective of evolutionary economic theory. *Oxford Development Studies*. 1 (36). pp. 9–21.
14. Grechko, M.V. & Kobina, L.A. (2021) Evolyutsiya ekonomicheskikh sistem: dialektika regressa [Evolution of economic systems: dialectics of regression]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. 7. pp. 1296–1325.
15. Khashir, B.O. et al. (2023) *Regional'nye khozyaystvennye sistemy i riski sovremennosti* [Regional Economic Systems and Modern Risks]. Moscow: Rusayns.
16. Kapustina, N.V. et al. (2023) *The Impact of the COVID-19 Pandemic on the Economic Security of Russian Regions: Assessment of resistance to the spillover effects of epidemic risks. Environmental footprints and eco-design of products and processes*. Cham: Springer. pp. 451–460.
17. Galieva, G.F. et al. (2023) *A Mechanism for Overcoming the Negative Consequences of COVID Lockdowns in Russian Organizations. Approaches to global sustainability, markets, and governance*. Cham: Springer. pp. 55–67.
18. Voronov, A.A. et al. (2022) *Managerial Problems of Enterprise Development during the Pandemic COVID-19. Lecture notes in networks and systems*. Cham: Springer. pp. 841–851.
19. Sidorova, E.Yu. (2020) Metodika otsenki i minimizatsii integratsionnykh riskov na razlichnykh etapakh realizatsii mezhdunarodnoy ekonomicheskoy integratsii [Methodology for assessing and minimizing integration risks at various stages of international economic integration]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 13 (4). pp. 70–78.
20. Grinberg, R.S. (2017) *Ekonomika mira i Rossii: trendy, shansy, riski* [Economy of the world and Russia: trends, chances, risks]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. 1 (51). pp. 17–51.
21. Madera, A.G. (2014) *Riski i shansy. Neopredelennost', prognozirovaniye i otsenka* [Risks and Chances. Uncertainty, forecasting and assessment]. Moscow: Krasand.
22. Konovalova, M.E. et al. (2022) Strukturnyy analiz prichin i posledstviy global'nykh krizisov (na primere stran G7) [Structural Analysis of the Causes and Consequences of Global Crises (on the Example of the G7 Countries)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*. 4 (12). pp. 10–24.
23. Worldbank. (n.d.) *Inflation, consumer prices (annual %)*. [Online] Available from: <https://data.worldbank.org/indicator/FP.CPI.TOTL.ZG>
24. Rateinflation. (n.d.) *Inflation Rates and CPI*. [Online] Available from: <https://www.rateinflation.com/>
25. RIA. (2022) *Inflyatsiya v stranakh G7 dostigla urovney, kotorykh ne bylo desyatiletiya* [Inflation in the G7 countries has reached levels not seen in decades]. *RIA.ru*. 20 May. [Online] Available from: <https://ria.ru/20220520/inflyatsiya-1789751613.html>
26. Statista. (n.d.) *The inflation rate in the G7 countries in 2023 by product group*. [Online] Available from: <https://www.statista.com/statistics/1332916/inflation-g7-commodity-group/>
27. OECD. (n.d.) *Registered Unemployed and Job Vacancies*. [Online] Available from: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=LAB_REG_VAC
28. Worldbank. (n.d.) *Unemployment, total (% of total labor force) (modeled ILO estimate) – United Kingdom, Germany, Italy, United States, France, Japan, Canada*. [Online] Available from: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS?end=2023&locations=GB-DE-IT-US-FR-JP-CA&start=2013&view=chart>
29. Utinova, S.S. (2021) *Sovremennye modeli regulirovaniya rynka truda: zarubezhnyy i rossiyskiy opyt* [Modern models of labor market regulation: foreign and Russian experience]. *Finansovye rynki i banki*. 6. pp. 26–33.
30. Lebedeva, I.P. (2020) *Strukturnye problemy yaponskogo rynka truda* [Structural problems of the Japanese labor market]. *Yaponskie issledovaniya*. 1. pp. 48–68.
31. Worldbank. (n.d.) *Unemployment, total (% of total labor force) (modeled ILO estimate) – Brazil, Russian Federation, India, China, South Africa*. [Online] Available from: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS?end=2023&locations=BR-RU-IN-CN-ZA&start=2013&view=chart>
32. Feng, Sh. (2023) *Osobennosti i tendentsii politiki zanyatosti naseleniya Kitaya* [Features and trends of China's employment policy]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 5. pp. 146–149.

33. Yang, Y., Wang, Y. & Hou, S. (2021) Issledovanie po ukrepleniyu sistemy prioritetnoy politiki zanyatosti v period 14-go pyatiletnego plana [Research on Strengthening the Priority Employment Policy System during the 14th Five-Year Plan Period]. *Makroekonomicheskoe upravlenie*. 2. pp. 8–15.
34. Izryadnova, O.I. (n.d.) *Dinamika rynka truda* [Labor Market Dynamics]. [Online] Available from: <https://www.iep.ru/files/text/trends/2023/4.pdf>
35. RBK. (2024) *Smozhet li novoe pravitel'stvo Indii spravit'sya s bezrabotitsy* [Will the new Indian government be able to cope with unemployment]. *RBK*. 5 September. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/industries/news/667c0d949a79470a9c25330a>
36. Liu, P. et al. (2024) The impact of the major causes of death on life expectancy in China: a 60-year longitudinal study. *BMC Public Health*. 14 (1). P. 1193.
37. Worldbank. (n.d.) *Gross fixed capital formation (annual % growth)*. [Online] Available from: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.FTOT.KD.ZG?end=2022&start=2013>
38. Statisticstimes. (n.d.) *GDP Indicator (country)*. [Online] Available from: <https://statisticstimes.com/economy/world-statistics.php>
39. Galieva, G.F. et al. (2023) *A Mechanism for Overcoming the Negative Consequences of COVID Lockdowns in Russian Organizations. Approaches to global sustainability, markets, and governance*. Cham: Springer. pp. 55–67.
40. Isaeva, E.A. et al. (2024) *Pandemic and Sanctions: A study of economic shocks in the Russian economy. advances in science, technology and innovation*. Cham: Springer. pp. 445–451.
41. HSE University. (2023) *Tempy rosta mirovoy ekonomiki mogut okazat'sya odnimi iz samykh nizkikh za poslednyuyu chetvert' veka* [Global economic growth rates may be among the lowest in the past quarter century]. *HSE University*. 27 September. [Online] Available from: <https://www.hse.ru/news/priority/862424657.html>
42. Karpunina, E.K. et al. (2024) Enhancing BRICS scientific and educational potential as a prerequisite for knowledge-based development and digital leadership. *International Journal of Knowledge-Based Development*. 3 (4). pp. 290–313.
43. Dodonov, V. (2024) [Changing positions of the G7 and BRICS in key global economic processes as a reflection of the megatrend of changing global economic leadership]. *Bol'shaya Evraziya: natsional'nye i tsivilizatsionnye aspekty razvitiya i sotrudnichestva* [Greater Eurasia: National and civilizational aspects of development and cooperation]. Proceedings of the 6th International Conference. Vol. 7. Part 1. Moscow. 22–24 November 2023. Moscow: University of World Civilizations.
44. Kuvalin, D.B. (2024) *Kuda BRIKS i G7 vedut global'nuyu ekonomiku* [Where BRICS and the G7 are leading the global economy]. *IEF RAS*. 17 October. [Online] Available from: <https://ecfor.ru/publication/ekonomicheskij-potentsial-briks-v-sravnanii-s-g7/>

Информация об авторах:

Климовских Н.В. – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (Краснодар, Россия). E-mail: conscience1980@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7965-2444

Ружанская Н.В. – кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики и управления, Коми республиканская академия государственной службы и управления (Сыктывкар, Россия). E-mail: natasharug@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3236-1620

Чудаева А.А. – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, организации и стратегии развития предприятия, Самарский государственный экономический университет (Самара, Россия). E-mail: chudaeva@inbox.ru; ORCID: 0000-0003-0281-5089

Усанов А.Ю. – кандидат экономических наук, доцент кафедры оценочной деятельности и корпоративных финансов, Московский финансово-промышленный университет «Синергия» (Москва, Россия). E-mail: alexus261279@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2329-8300

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов:

Н.В. Климовских – корреспондирующий автор, общее научное руководство, формирование выводов и рекомендаций, оформление списка литературы, авторских данных.

Н.В. Ружанская – формирование гипотезы исследования, постановка целей и задач, выбор методов исследования, обоснование периода исследования.

А.А. Чудаева – проведение экономического анализа, интерпретация полученных данных, подготовка иллюстративного материала.

А.Ю. Усанов – формирование теоретико-методологического базиса исследования, анализ научной литературы.

Information about the authors:

N.V. Klimovskikh, Cand. Sci. (Economics), docent, associate professor, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: conscience1980@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7965-2444

N.V. Ruzhanskaya, Cand. Sci. (Economics), docent, head of the Department of Economics and Management, Komi Republican Academy of Public Administration and Management (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: natasharug@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3236-1620

A.A. Chudaeva, Cand. Sci. (Economics), associate professor, Samara State University of Economics (Samara, Russian Federation). E-mail: chudaeva@inbox.ru; ORCID: 0000-0003-0281-5089

A.Yu. Usanov, Cand. Sci. (Economics), associate professor, Moscow University for Industry and Finance (Synergy University) (Moscow, Russian Federation). E-mail: alexus261279@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2329-8300

The authors declare no conflicts of interests.

Contributor roles in multiple author submission:

N.V. Klimovskikh – corresponding author, general scientific supervision, formation of conclusions and recommendations, preparation of the references and authors' information.

N.V. Ruzhanskaya – formation of the research hypothesis, setting of research aim and objectives, selection of research methods, justification of the research period.

A.A. Chudaeva – economic analysis, interpretation of the obtained data, preparation of illustrative material.

A.Yu. Usanov – formation of the theoretical and methodological basis of the research, analysis of scientific literature.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2024;
одобрена после рецензирования 11.01.2025; принята к публикации 12.02.2025.*

*The article was submitted 28.10.2024;
approved after reviewing 11.01.2025; accepted for publication 12.02.2025.*